

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Juhani U. E. Lehtonen, Matti Räsänen. Kuopion Haapaniemi. Kansatieteellinen tutkimus. Kuopio, 1973, 109 s., 34 juhl.

Быт городского населения недостаточно изучался этнографами, поэтому исследователи встречаются с немалыми трудностями, в том числе и методическими. Книга Ю. У. Э. Лехтонена и М. Рясанена о быте населения Хаапаниеми, одного из районов города Куопио, представляет собой первый в Финляндии опыт этнографического изучения городского быта.

Куопио, расположенный в восточной части страны на берегу озера Калавеси, относится к числу сравнительно небольших городов: его население составляет 70 тыс. чел. Хаапаниеми — это окраинный район, насчитывающий 2334 жителя (1971 г.). Он начал интенсивно заселяться в 1920-х гг., с самого начала формируясь как рабочий квартал.

Авторы проводили сбор материала в 1970-1971 гг. при помощи специальной анкеты. Исследователи выделили для сопоставления данных по всем темам три временных горизонта: 1925, 1947 и 1970 гг.

В настоящее время в Хаапаниеми живет 838 семей; предполагалось собрать информацию в каждой 20-й; фактически же опрошено было 26 человек из 26 семей. В 1947 г. в Хаапаниеми жили 542 семьи, из них в районе остались в наши дни лишь 64, опрошено было 20 человек из 20 семей. Из жителей 1925 г. удалось найти лишь 10 человек; все они были опрошены.

Исследователи использовали также данные городского архива, материалы различных обследований и статистические сведения.

Рецензируемая книга состоит из введения, восьми глав и заключения. Введение, раздел о методах (гл. I) и заключение написаны авторами совместно. Главы II — «История Хаапаниеми», IV — «Постройки и строительство» и V — «Жизнь и бытовые условия» принадлежат перу Матти Рясанена. Главы III — «Население», VI — «Воскресенья и праздники» и VII — «Социальные контакты» написаны Ю. У. Э. Лехтоненом. В нашей рецензии мы более детально рассмотрим вопросы, представляющие интерес для этнографов.

История застройки и заселения мыса Хаапаниеми (он и дал имя району) рассматривается во II главе. В XIX в. здесь были лишь склады лесоматериалов, пристань, мельница, бойня, небольшая фабрика для переработки костей, кожевенная мастерская, а также общественная баня и купальня. В конце прошлого века в Хаапаниеми начал строить свои предприятия Х. Саастамойнен — паровую мельницу, шплинтовую, а затем катушечную фабрики. Часть мыса долго служила выгоном для скота. Строительство жилых домов началось значительно позже, после 1905 г., и широко развернулось лишь в 1920-х гг. Численность населения уже тогда почти достигала современного уровня — 2000 чел.

Очень медленно и с большим трудом осуществлялось благоустройство этой части города — проведение водопровода, канализации и т. д. Жители Хаапаниеми получили собственную школу только в 1956 г., ясли, детский сад и детская консультация были построены в 1962 г.

Население Хаапаниеми (гл. III), как и всего Куопио, сформировалось главным образом за счет крестьян, пришедших из ближайших окрестностей. Судя по архивным данным, в 1921 г. лишь 5 жителей Хаапаниеми родились в Куопио, в 1947 г. уроженцев Куопио было уже 42%, а в 1971 г. — 47%.

Заслуживают внимания приведенные в той же главе данные о размере семей. В среднем они были относительно стабильны: в 1925 г. — 3,3 чел., в 1947 г. — 3,9 и в 1971 г. — 2,8 чел. Но при этом на первом этапе довольно велика была доля крупных семей, состоявших из 5—6 и даже 10 человек. Низкая средняя цифра объясняется большим числом одиночек молодого возраста. На втором этапе средний показатель несколько возрос за счет увеличения числа семейных людей, а также семей из трех поколений. Последнее обстоятельство было в известной мере связано с жилищными трудностями в военный и послевоенный периоды. В наши дни средняя цифра понижается, поскольку стало больше семей, состоящих лишь из одного или двух пожилых людей, дети которых уже живут отдельно.

В главе IV, посвященной постройкам и жилищному строительству, говорится о том, что в 1919—1924 гг. строительные участки в Хаапаниеми не продавались, а сдавались в аренду лишь товарищеским кооперативам. В этот период несколько домов здесь было построено муниципалитетом. Впоследствии участки под застройку стали сдаваться в аренду на 50 лет и отдельным лицам, часть земли была продана. Индивидуальные застройщики прибегали к государственным займам и к помощи различных кооперативов по обеспечению строительными материалами. Тем не менее, многие из них не смогли довести строительство до конца, и целый ряд участков быстро пошел с молотка.

В Хаапаниеми дома возводились главным образом по типовым проектам, что определило внешний вид района. Дома были типичны для предместий: двух- и одноэтажные, иногда с жилой мансардой. Часть домов состояла из нескольких квартир (некоторые коммунальные дома и дома, построенные фабрикой Саастамойнена). Значительная часть жилых зданий состояла из двух квартир. Преобладали маленькие квартиры из

одного или двух помещений. В первых — кухонная плита помещалась в комнате. Во вторых — в большой кухне устанавливались плита и хлебная печь, а в жилой комнате — так называемая голландка. Оба типа квартир характерны и для нашего времени. Так, в 1971 г. квартиры из одного помещения составляли треть всех жилищ, из двух — половину; лишь одна шестая всех квартир имеет более двух помещений. Правда, в наши дни кухонная часть нередко выносится в специальную нишу (это относится как к квартирам из одного, так и из двух помещений). Жилищные условия улучшаются за счет увеличения площади на душу населения, а также за счет благоустройства квартир. В 1925 г. дома были оснащены только электрическим освещением. Отопление было печным; канализация отсутствовала — холодные уборные строились во дворах. Жители Хаапаниemi брали воду из озера или ходили в город к водопроводной колонке, зимой воду возили в бочках на санках. Отбросы сваливались во дворах. Благоустройство района началось лишь в 1950-х годах. В настоящее время здесь есть все современные удобства, хотя в некоторых домах еще сохраняется печное отопление.

Глава V, рассматривающая повседневную жизнь в Хаапаниemi, особенно интересна. Эта тема — одна из самых трудных для исследователя уже вследствие своей многогранности. Автор выделяет лишь несколько важных вопросов. Детально анализируется распорядок дня жителей района, определявшийся в основном условиями работы. На фабриках Саастомойнена до 1918 г. был 10-часовой рабочий день с двумя часовыми перерывами на завтрак в 9 и на обед в 14 часов. После установления 8-часового рабочего дня рабочие получали один перерыв, во время которого, как правило, приходили обедать домой.

Многое в домашнем быту зависело от того, кто работал в семье — только муж или также и жена. В 1920-е гг. даже если жена занималась лишь домашним хозяйством, день ее был заполнен работой с утра до поздней ночи. Все домашние дела требовали большой затраты времени и сил: приготовление пищи на плите, часто и домашняя выпечка хлеба; зимой — топка печей, необходимость носить воду, нередко издалека, стирка белья в общественных прачечных, куда нужно было привозить свои дрова для нагрева воды и т. д. Многие семьи в то время держали домашних животных, обычно свиней, но кое-кто и коров. Условия жизни заставляли обитателей Хаапаниemi соблюдать строжайшую экономию и выгадывать каждую копейку. Заработки были невелики, кроме того, почти все выплачивали долги за квартиры. За многими продуктами — маслом, молоком, простоквашей, а также рыбой и мясом — ходили на городской рынок, где цены были ниже, чем в магазинах. Одежду старались шить дома. Во многих семьях мужчины прирабатывали вечером, занимаясь починкой обуви и т. п. Никто из информаторов не мог рассказать, как они проводили свободное время в 1920-е гг.; его просто не было. В те годы жители Хаапаниemi, как правило, не ходили в театр, на танцы, не читали книг.

В 1947 г. в связи с усовершенствованиями в быту наблюдается сокращение домашних работ, хотя в это время увеличивается число работающих семейных женщин. В 40-е годы жители Хаапаниemi уже перестали держать домашний скот, однако многие еще выращивали свои овощи. В связи с тем, что долги за квартиры были выплачены, лучше стало материальное положение многих семей. Тем не менее, некоторые еще прирабатывали вечерами в качестве страховых агентов, сапожников и т. д. Теперь уже информаторы говорят о наличии свободного времени и упоминают о посещении театров, знакомых. На вопрос, в котором часу ложились спать, обычным был ответ: после последних известий. Иными словами, радио уже прочно вошло в быт. Молодежь начала в этот период заниматься спортом.

К 1971 г. благодаря сокращению рабочего дня и рабочей недели распорядок дня жителей Хаапаниemi значительно изменился. Разумеется, улучшение бытовых условий также способствовало появлению времени для отдыха. Механизация домашних работ значительно облегчила труд женщин. Так, стирка, например, которая была в 20-х гг. одной из самых трудоемких работ, вообще не производилась вручную, те, кто не имел своей стиральной машины, пользовались ею у родственников или ходили в механические прачечные. Сократились затраты времени на выполнение всех домашних работ — приготовление пищи, уборку помещений. Никто уже не держал скота, почти не шили дома одежду и т. д. Все опрошенные имели возможность слушать радио, смотреть телевизор, выезжать за город, посещать родственников в деревне, ходить на танцы, заниматься спортом и т. д.

Вопрос о воскресных и праздничных днях рассмотрен особо в VI главе. Для 20-х гг. данные очень скудны: половина опрошенных считала, что в те годы воскресные дни ничем не отличались от будней. Хотя не нужно было идти на фабрику, работы хватало и дома. Другие сообщили, что в воскресенье было принято посещать церковь (ходила обычно мать); кроме того, во всех семьях старались приготовить более вкусный обед, но блюда были названы очень скромные: тефтели, рисовая каша, домашняя пшеничная булка и т. п. По данным на 1947 г., церковь посещали лишь в каждой пятой семье. Информаторы называют самые различные развлечения: посещения театра и кино, хождение в гости, занятия спортом, прогулки за город.

В 1971 г. жители Хаапаниemi еще реже посещали церковь. Большое место в досуге молодежи занял спорт, широко распространились различные экскурсии, поездки за город и т. д.

Изменился с течением времени и характер годовых праздников. В первый период, по данным опроса, из церковных праздников отмечались рождество, масленица и Новый год. Характер празднования в то время был таким же, как в деревне. Так, сочельник проводили только в кругу семьи; утром на рождество ходили в церковь; на Тапани (26.XII, св. Стефан) катались на санях. На праздники готовились старинные обрядовые блюда.

С течением времени число отмечаемых церковных праздников в целом не сократилось. Напротив, даже пасху стали отмечать более торжественно. Правда, почти полностью стерся церковный характер праздничных дней (почти совсем не соблюдались церковные обряды). Появились новые обрядовые элементы, такие, например, как посещение кладбища в сочельник, а также праздничные блюда. Ряд новых обрядов прежде был характерен для отдельных районов, а затем они распространились повсеместно именно через города (например, ставшая традиционной на пасху для финнов солодовая запеканка — *мямми*, которую раньше готовили лишь в Западной Финляндии). Другие новшества, носившие общеевропейский характер, например рождественская елка, проникли в Хаапаниemi, как и в Куопио в целом, довольно поздно.

Наряду со старыми вошли в быт и новые праздники: 1 Мая, День матерей, отмечаемый во второе воскресенье мая, и др. Правда, участие в празднике 1 Мая было пассивным. Все опрошенные (это касается всех периодов) говорили о том, что они ходили 1 Мая слушать речи на площади и смотреть демонстрации, однако об участии в демонстрации было упомянуто лишь один раз.

С течением времени в семьях стали праздновать не только крестины, как это было в 20-е гг., но и дни рождения и именины, что не было раньше приято у жителей этой части страны (в провинции Сава). В книге упомянуто также, что в Хаапаниemi начали отмечать различные юбилеи — пятидесятилетие со дня рождения, серебряные и золотые свадьбы. К сожалению, в книге ничего не говорится о свадьбе как таковой; очевидно, материал о свадебном обряде не собирался. Между тем он, несомненно, помог бы понять, как старые сельские традиции сменяются городскими. Не совсем ясно, почему похороны как семейное событие изучались лишь для 1947 г.

К сожалению, тема семейной обрядности, видимо, не стояла вообще в программе исследования. Нам кажется, что если авторы не имели возможности разработать этот круг проблем, их не стоило касаться совсем. Беглое описание крестин и похорон в главе «Воскресения и праздники» не позволяют сделать общие выводы об изменении традиций в городских условиях.

Весьма показателен материал седьмой главы об общественных контактах. Жители Хаапаниemi первоначально не имели знакомых ни в самом районе, ни в городе. Чаще всего они общались с городскими и деревенскими родственниками, а также с соседями по месту жительства. Никаких объединяющих занятий у соседей не было: все необходимые работы по уборке и благоустройству двора и дома были распределены между отдельными семьями. Поэтому люди вступали в контакты только по личной склонности. Круг общения был очень узок. Он ограничивался пределами одного дома или двора и сводился в основном к приветствиям, а также к разговорам во дворе в саду в летнее время. Женщины, особенно домохозяйки, чаще вступали в контакты друг с другом: они ходили вместе на рынок в город, одалживали друг у друга деньги и предметы домашнего обихода, приходили к соседкам посидеть, попить кофе и т. п. Иногда соседей приглашали в качестве крестных и звали в гости.

Во время знаменитых ежегодных Куопиоских ярмарок в 20-е гг. происходили встречи с деревенскими родственниками, приезжавшими на несколько дней (иногда на собственных лошадях) к своим близким в городе. Горожане редко навещали родных в деревне. В последующий период в связи с появлением свободных дней, отпусков, развитием транспортных средств, а также общей тенденцией выезжать за город в летнее время такие поездки участились.

С течением времени у жителей Хаапаниemi появлялись знакомые по работе и по спортивным обществам. Контакты же с соседями и городскими родственниками несколько ослабели.

В заключении авторы отмечают, что история Хаапаниemi за рассмотренный период достаточно характерна для малых городов Финляндии.

Работа Ю. И. Е. Лехтонена и М. Рясанена, разумеется, не лишена недостатков. Просчеты во многом объясняются тем, что, как уже говорилось, это первый опыт исследования городского населения в Финляндии. Кроме того, ученые были ограничены во времени и в средствах.

Принятая авторами структура книги привела к ряду повторений. Так, например, развитие жилищного строительства и благоустройства, формы домов и квартир рассматриваются во II, IV и V главах. Вероятно, этого можно было бы избежать.

К сожалению, недостаточно глубоко анализируется социальный состав жителей изучаемого района. Между тем такие сведения в сочетании с данными о происхождении населения, приведенными в III главе, позволили бы понять, как сформировалась эта довольно своеобразная группа рабочего класса, не принимающая активного участия в общественной и политической жизни. Об этом говорят слабые контакты по месту работы, пассивное участие в пролетарском празднике 1 Мая и ряд других моментов. Специфика социального состава населения определила и то обстоятельство, что новые формы быта в Хаапаниemi носили мещанский характер, о чем неоднократно упоминают авторы в ряде глав, в частности, описывая формы семейных праздников.

Разумеется, читатель чувствует необходимость в сравнительном материале, но его отсутствие нельзя поставить в вину авторам, впервые начавшим трудную работу по изучению городского быта.

В целом же рецензируемая книга выразительно рисует жизнь населения Хаапаниemi с ее трудностями, заботами и постоянным трудом. Авторы успешно справились с работой, и остается надеяться, что исследования в этой области будут продолжены.

Н. В. Шлыгина

Українські народні казки Східної Словаччини, т. I—IV. Упорядкування, післямови та коментарі Михайла Гиряка. Словацьке педагогічне видавництво. Відділ української літератури. Пряшів, 1965—1972.

Издавна в Восточной Словакии, на пограничье с Украиной, Венгрией и Польшей, живут украинцы-русины. По данным переписи 1970 г., их здесь 40 561 чел.; основная масса украинцев концентрируется в Бордивском, Гуменском и Свидницком округах. В этом крае, где преобладает словацкое население (1 112 663 чел.), второе место по численности занимают венгры (90 894 чел.), а третье — украинцы.

Начало систематическому научному собиранию и исследованию украинской народной прозы Восточной Словакии положил Владимир Гнатюк. В 1896 и 1899 гг. им были записаны здесь от украинцев-русин и позднее в Галиции от украинских переселенцев из Словакии сказки, анекдоты, легенды и предания¹. В те же годы записал в Словакии около 100 украинских сказок, анекдотов и легенд диалектолог Иван Верхратский². В 1898 г. собирал сказки в украинских селах Свидницкого округа языковед Самуэль Цамбель³. Украинские сказки Восточной Словакии собирали и публиковали Луциан Малиновский⁴, Иван Панькевич⁵, а также Юрий Геровский, который начал собирать сказки после первой мировой войны.

В свое время В. Гнатюку приходилось доказывать, что украинцы-русины по материальной и духовной культуре отличаются от словаков и венгров и принадлежат к восточным славянам. Теперь это стало очевидным отчасти благодаря широкому размаху, который получили в ЧССР собирание и изучение народного творчества украинцев-русин. Музей украинской культуры в Свиднике, Фольклорно-этнографическая комиссия Культурного союза украинских трудящихся в ЧССР, Кабинет украинистики, кафедра украинского языка и литературы Университета им. Шафарика в Пряшеве регулярно организуют научные экспедиции и публикуют новые фольклорные материалы. В 1967 г. в Пряшеве была издана антология украинского фольклора Словакии, в которую вошли 12 новых записей сказок и анекдотов⁶. Новые записи сказок есть и в сборнике М. Мушинки «Срібна роса»⁷.

Самым фундаментальным изданием украинских сказок Словакии является рецензируемый многотомник подготовленный Михаилом Гиряком. В предисловии ко II тому составитель подчеркивает свое стремление способствовать всестороннему изучению духовной жизни украинцев Восточной Словакии, показать богатства их языка и фольклора, которые сберегаются и поныне. М. Гиряк публикует сказки в упрощенной транскрипции. Материал он располагает по географическому принципу и по исполнителям. В комментариях отмечено, когда, где, от кого и кем записана сказка, дан схематичный ее пересказ, указан тип сюжета по международному указателю С. Томпсона. В комментариях к III и IV томам есть также ссылки на польский и словацкий указатели сказочных сюжетов, а в некоторых случаях ссылки на варианты в сборниках В. Гнатюка, И. Верхратского и др. В статьях М. Гиряка, заключающих отдельные тома, освещается история собирания и изучения сказок Восточной Словакии, характеризуются сказочники и состояние сказочной традиции тех сел, где записаны сказки. К каждому тому приложен словарь диалектизмов. Своеобразно сочетаются в этом собрании сказок особенности научного и популярного издания: тексты сказок набраны крупным шрифтом «цицерио»; тома красочно оформлены и иллюстрированы.

¹ В. Гнатюк, Етнографічні матеріали з Угорської Русі, «Етнографічний збірник», Львов, т. 3, 1897; т. 4, 1898; т. 9, 1900; т. 25, 1909; т. 29, 1910; т. 30, 1911.

² И. Верхратський, Знадоба до пізнання угорських говорів Львов, 1901.

³ Некоторые его записи опубликованы в кн.: «Slovenska rěc a jej miesto v rodine slovanskich jazykov», Martini, 1906.

⁴ L. Malinowski, Powiesci spieskie, «Materialy antropologiczne-archeologiczne», Kraków, 1903.

⁵ И. Панькевич, Українські говори Подкарпатської Русі і сумежних областей, Прага, 1938.

⁶ М. Мушинка, З глибини віків, Пряшів, 1967.

⁷ М. Мушинка, Срібна роса, Пряшів, 1970.